

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-1-44-49>

«...и всё начать сначала»: лингвостилистический анализ стихотворения Ю. Д. Левитанского «Была зима, как снежный перевал...» (к 100-летию со дня рождения)

Елена Александровна Фролова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, frojen@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Аннотация. Творчество Ю. Д. Левитанского неоднократно становилось объектом литературоведческого анализа, однако произведения поэта не подвергались детальному лингвостилистическому исследованию. Цель данной статьи – проанализировать языковые средства выражения авторского замысла в стихотворении «Была зима, как снежный перевал...» и на основе их характеристики выявить философскую составляющую лирического произведения. Для достижения поставленной цели используется лингвостилистический анализ текста, позволяющий определить роль и функции языковых единиц в раскрытии мировосприятия поэта; с помощью семного анализа устанавливаются средства семантического расширения и преобразования первичных и привычных значений лексических единиц, что оказывается важным для формирования философской составляющей стихотворения. В статье делается вывод о том, что Ю. Левитанский рисует картину жизненных и творческих поисков человека и поэта, отмечаются способы выражения авторского замысла. Реальность и вымысел переплетаются и дополняют друг друга в лирическом произведении, помогая раскрыть мироощущения отдельной личности и целого поколения. Используя двуххромную палитру черно-белого кино (стихотворение входит в зимний цикл сборника «Кинематограф»), поэт создает философское размышление о жизни, творчестве и своем месте в судьбе поколения шестидесятников.

Ключевые слова: Ю. Левитанский, философская лирика, хронотоп, зрительное восприятие, анимомия, сема, колоратив, повтор

Для цитирования: Фролова Е. А. «...и всё начать сначала»: лингвостилистический анализ стихотворения Ю. Д. Левитанского «Была зима, как снежный перевал...» (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 1. С. 44–49. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-1-44-49>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

"...and make a fresh start": a linguo-stylistic analysis of Yu. D. Levitansky's poem "The winter was like a snowy pass..." (to the 100th anniversary of the birth)

Elena A. Frolova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, frojen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Abstract. Yu. D. Levitansky's creative work has repeatedly become the object of literary analysis. Nevertheless, the poet's writing has not been subject to detailed linguo-stylistic research. The article aims to analyse the linguistic means expressing the author's message in the poem "The winter was like a snowy pass" and on the basis of this characterisation to reveal the philosophical content of the lyrical poem. To achieve the stated aim, linguo-stylistic text analysis is employed. This approach permits the determination of the role and functions linguistic units perform in revealing the poet's world view. Componential analysis is used to identify the means of semantic extension and transformations of primary and customary meanings of lexical items, which turns out to be important to form the philosophical basis of the poem. The paper concludes that Yu. Levitansky paints a picture of a man's and poet's life searches. Additionally, the modes of expressing the author's message are identified. The reality and fiction are closely intertwined and complement each other. Thus, they help to reveal the view of life of an individual and the whole generation better. Using the monochrome palette of black-and-white films (the poem is part of the winter cycle of the "Cinematograph" collection), the author provides philosophical reflection on life, creativity, and his own place in the fate of the Sixtiers' generation.

Keywords: Yu. Levitansky, philosophical poetry, chronotope, visual perception, antinomy, seme, colour term, repetition

For citation: Frolova E. A. "...and make a fresh start": a linguo-stylistic analysis of Yu. D. Levitansky's poem "The winter was like a snowy pass..." (to the 100th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(1):44–49. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-1-44-49>.

Введение. В книге «Как пишут стихи: о законах поэтического творчества» В. В. Кожин отмечает, что поэзия «есть оправдание нашего бытия, она как бы утверждает за нами право на ту жизнь, которую мы прожили...». По мнению исследователя, «поэзия (да и каждый отдельный поэт) имеет свой собственный язык — язык особого искусства, а не язык в лингвистическом смысле» [Кожин 2001].

Творчество Юрия Давидовича Левитанского (1922–1996) тому подтверждение. Поэта по праву можно назвать ярким представителем русской интеллигенции эпохи шестидесятых годов прошлого века, чье творчество представляет собой результат серьезных и глубоких размышлений о сущности и назначении человека, о жизни, об искусстве, о времени — прошлом, настоящем и будущем — как философских категориях.

О творчестве Ю. Левитанского много пишут, его лирику изучают — и все-таки до настоящего времени исследование его стихотворных произведений носило преимущественно литературоведческий характер.

Литературный критик В. В. Дементьев подчеркивал типичность биографии поэта для военного поколения, к которому принадлежал Ю. Д. Левитанский, и акцентировал внимание на философском потенциале его поэзии [Дементьев 1970]. По мнению А. Когана, невнимание к творчеству Ю. Левитанского было обусловлено тем, что он «не выделялся особо среди своих поэтических сверстников» [Коган 1977: 250]. Долгое время он был «один из многих». С. Чупринин писал: «Ничто... не предвещало в Юрии Левитанском крупного и очень своеобразного дара» [Чупринин 1985: 92], поэт «безусловно, уступал по лирической мощности и психологической многослойности стихам Самойлова и Смелякова...» [Там же: 94]. «...В своих "добрых стихах" (в отличие от "железных" Б. Слуцкого, "мудрых" Д. Самойлова, "рыцарственных" М. Луконина) Левитанский не судит

и не защищает, а заставляет сочувствовать и жалеть»¹.

Л. Гомберг анализирует взаимосвязь сиюминутного и вечного в творчестве поэта как определяющих сущность человеческой жизни [Гомберг, Электронный ресурс].

В. Куллэ отмечает связь поэзии Ю. Левитанского с произведениями И. Бродского, подчеркивает «личное» отношение поэта к миру, «цветовую насыщенность» и «музыкальную первооснову» его стихов [Куллэ 2001].

Отличительной особенностью поэта Ю. Болдырев называет его способность не просто искать добро, правду и красоту, но и раскрывать их перед читателем. Критик отмечает сострадание как одну из главных черт поэзии Ю. Левитанского, подчеркивает «сегодняшность», сиюминутность всего происходящего в ней, а также указывает на то, что каждое стихотворение поэта характеризуется «нарастанием, кружением, переплетением» «виденного, слышанного, пережитого, прочувствованного» [Болдырев 1982: 8] человеком.

В наши дни по-прежнему актуальны слова сожаления, высказанные Л. Быковым о недопонимании поэзии Ю. Левитанского. В статье «Дефицит конкретности», опубликованной в журнале «Литературное обозрение» более 40 лет назад, он отмечал, что «выразившийся в стихах поэта человеческий и творческий опыт до сих пор по существу не осмыслен» [Быков 1978: 42–43].

В диссертационном исследовании, посвященном творчеству Ю. Д. Левитанского, Н. Д. Шафаренко также обратила внимание на недостаточную изученность творчества поэта второй половины XX в. По ее мнению, «этот автор — фигура, что становится

¹ Цит. по: Шафаренко Н. Д. Поэзия Юрия Левитанского: особенности образной выразительности: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. С. 5.

все очевиднее, репрезентативная для русской поэзии нового времени»².

Цель данной статьи — проанализировать языковые средства выражения авторского замысла в стихотворении «Была зима, как снежный перевал...» и на основе их характеристики выявить философскую составляющую лирического произведения.

С помощью лингвостилистического анализа определяются роль и функции языковых единиц в раскрытии мировосприятия поэта; семный анализ позволяет охарактеризовать средства семантического расширения и преобразования первичных и привычных значений лексических единиц, что оказывается важным для формирования философской основы текста.

Анализ. Стихотворение «Была зима, как снежный перевал...» входит в зимний цикл сборника «Кинематограф» (1970). Как в черно-белом кино, в соответствии с мировосприятием автора в произведении, ориентированном на зрительное и зрительское восприятие читателя, возникают и сменяют друг друга кадры прошлой, настоящей и возможной будущей жизни.

С первых строк поэт рисует картину застывшего времени, в котором «застряли» и лирический герой, и, как станет понятно из последующего текста, современное автору поколение:

Была зима, как снежный перевал,
с дымком жилья, затерянным в провале.
Но я в ту пору не подозревал,
что я застрял на этом перевале...³

Колоративная лексика, к которой прибегает Ю. Левитанский, не богата по цветовой палитре, однако поэт использует разнообразные средства для передачи черно-белой «раскадровки» текста стихотворения. При этом собственно цветовых лексем всего две — контрастирующие имена существительные *чернота* (*Когда в окно вползала чернота...*) и краткое прилагательное *бела* (*...и даль передо мной была бела...*). Нетрудно заметить, что темный цвет характеризует регулярно повторяющееся настоящее. Такое впечатление возникает вследствие использования

глагола несовершенного вида прошедшего времени со значением медленного движения (*вползала*), постепенно захватывающего замкнутое пространство, в котором находится лирический герой. Белый цвет — это открытая и безграничная картина его будущего, к которому он стремится. Так цветовая антонимия порождает пространственно-временную антиномию, определяющую идейный замысел поэта.

Созданию черно-белого фона способствуют также многочисленные лексические единицы, содержащие имплицитные семы-колоративы. Темное время рисуют слова и словосочетания *вечернею порой, в сумерках, смеркалось*. Свет, белые тона появляются в тексте стихотворения с помощью «зимних» номинаций: *длинная зима, снежный перевал, вызов метелям, снегопадам, январю* и т. п. Важную роль в восприятии черно-белой картины играют лексемы с переносным значением. Например, жилье у поэта затерялось *в провале*. В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой у данной лексемы отмечаются следующие значения:

ПРОВАЛ... 1. Действие по глг. провалить — проваливать... и провалиться — проваливаться... *Провалы почвы.*

2. Провалившееся место, углубление. *Моховые озера были некогда глубокими лесными круглыми провалами.* С. Аксаков. Семейная хроника...

3. перен. Полная неудача в каком-л. деле... [*Экзамены*] *прошли для меня не так гладко, особенно по математике, но и без провалов.* Рыленков. Мне четырнадцать лет.

4. перен. Состояние сознания, при котором отсутствует ясное восприятие окружающего... *В памяти — провалы.* А. Н. Толстой. Эмигранты⁴.

В тексте стихотворения поэт синтезирует прямое (2) и переносное (4) значения, расширяя семантику слова, чему способствует предикативное определение-конкретизатор *затерянным*. Интересно при этом, что причастная глагольная форма также допускает неоднозначную трактовку: жилье сознательно скрыто от посторонних глаз или о нем все забыли?

Провал — спутанное сознание и провал — полная неудача — прошлое лирического

² Шафаренко Н. Д. Указ. соч. С. 15.

³ Здесь и далее текст стихотворения цит. по: Левитанский Ю. Д. Ну что с того, что я там был? М.: АСТ, 2019. С. 97–99.

⁴ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3: П — Р. М.: Русский язык, 1983. С. 467 (МАС).

героя, имеющее результат в настоящем. О «борьбе» света и тьмы в природе и душе лирического героя свидетельствуют следующие строки: *Дни прибывали / по календарю — К пяти часам у нас уже смеркалось; ...я видел / как подводится черта / под нашими усилиями дневными...* Одинокое жилье — символ оторванности от окружающего мира. Рифмующиеся словоформы *в провале* и *на... перевале* становятся средством создания хронотопа. Ю. Левитанский использует предложно-падежные формы с семантикой локативности. Однако в стихотворном тексте первая словоформа сохраняет пространственное значение, актуализируя колоративную сему, а вторая — *на перевале* — приобретает новое — темпоральное — значение, символизирующее переломный этап в жизни лирического героя.

Определяя хронотоп, поэт постепенно смещает время и пространство в тексте стихотворения. Прием повтора позволяет автору не только установить связь между частями текста, но и расширить его пространственно-временную характеристику. Если в первой строке стихотворения поэт констатирует время года, сравнивая зиму со снежным перевалом (простое предложение, пространственное разное рода обособленными конструкциями), то в пятом стихе вводит временное определение *длинная*, усиленное степенным местоимением-прилагательным *такая* (*Была такая длинная зима...*), подчеркивающее затяжной характер застоя.

В статье «Философия поэзии» М. А. Пекелис и С. С. Антипов утверждают: «Вечно меняющееся “настоящее” — вот главное доказательство нерушимой связи “вечности” и “мгновения”» [Пекелис, Антипов 2018: 42]. Для лирического героя Ю. Левитанского время (настоящее) остановилось, но связь времен не прервалась.

Автор прибегает к языковой игре, используя фразеологические обороты с созвучными глагольными компонентами, реализующими в контексте противоположные значения:

...уже легко — *сойтись горе с горою*
И очень трудно не *сойти с ума*.

Антонимичные конструкции (*легко—трудно*, *сойтись — не сойти*) порождают парадокс: невозможное становится реальностью. Иллюзорный дымок жилья трансформируется в *загородный*

дом с явными признаками цивилизации: *мерцает телевизор, гудит огонь*. Поэт постепенно сужает темпоральное пространство: *дни прибывали в январе, смеркалось к пяти часам*. При этом автор подчеркивает затянувшееся постоянство происходящего:

...я видел,
как подводится черта
под нашими усилиями дневными,
под нашей *каждодневной* тщетой.

Заменяя префиксоид *еже-* на корневую морфему *кажд-* (ср.: *ежедневный — каждыйдневный*), поэт достигает эффекта усиления регулярности и неизбывности происходящего, что поддерживается семантикой стилистически окрашенного устаревшего слова *тщета* — «Отсутствие смысла, ценности в чем-л., бесполезность, суетность, тщетность»⁵. В данном контексте зима (замирание жизни в природе) и изолированность героя от мира людей приобретают символическое значение застоя в обществе, в жизни и творчестве.

В то же время использование глагола зрительного восприятия *видел* в сочетании с личной формой местоимения *я* расширяет границы зримого перед лирическим героем: он видит не только *как подводится черта* под тщетным настоящим, но и то, что находится за ней. Происходит смена временных пластов, тайны которых еще только предстоит раскрыть:

А ниже,
оставаясь за чертой,
тянулась цепь *таинственных* пометок,
и лес напоминал строеньем клеток
и всей своею сущностью прямой,
что он не только *современник мой*,
но и другого века однолесток,
и он *другие* помнит времена.

Устранение временных границ позволяет автору снять вынужденную изолированность человека и установить его связь с предками, что одновременно рождает надежду на возможность контактов с потомками. Поэт подчеркивает значимую роль мира природы в возвращении человека в мир людей. Так, *лес* оказывается современником лирического героя и *давно существовавшего народа*, *графический рисунок*

⁵ МАС. Т. 4: С—Я. 1984. С. 431.

голых веток напоминает древние письма, мороз на окнах рисует непонятные узоры, которые пытается разгадать герой стихотворения (вновь возникают черно-белые кадры жизни-кинематографа).

Синтаксический параллелизм конструкций, усиленный анафорой стихотворного текста, выполняет функцию средства связи времени и пространства:

...и даль передо мной была бела,
и жизнь моя передо мной была,
как на ладони вся,
как на экране...

В тексте стихотворения соседствуют простота реальности (*как на ладони*) и тайна вымысла (*как на экране*) — две составляющие жизни-творчества. Переносное образное значение фразеологизма-сравнения и собственно сравнительный оборот «играют» на создании кинематографичности текста.

Финальные строки — новый виток в постижении философской составляющей лирического произведения. Поэт сравнивает этапы жизни человека с главами произведения:

...и можно было с легкою душой
перечеркнуть написанное ране,
переписать строку или главу,
которая лишь сдавленно звучала,
перемарать постылый черновик,
и даже сжечь,
и все начать сначала.

Система лексических единиц лексико-тематической группы «Горение» в тексте стихотворения выстраивается в своеобразную схему сожжения: *дымок* — *огонь* — *сжечь*. Каждая из этих единиц может быть воспринята и понята по-разному. Так, *дымок* — это и тлеющее пепелище, и зарождающийся огонь творчества; *огонь* — это и символ зла (ср.: *огонь войны*), и символ яркой жизни (ср.: *огонь души*); глагол *сжечь*, реализуя сему 'уничтожение', тоже может стать средством выражения контрастной оценочности: сжечь — уничтожить все ценное, без чего нет будущего, или выбросить из жизни все старое и лишнее, тянущее в прошлое.

Творчеству, как и жизни человека, свойственны периоды взлета и падения, проблемы, ошибки и открытия. В заключительной части стихотворения поэт метафорически

выражает жизненное и литературное credo: способность и готовность отказаться от «постылого» прошлого *и все начать сначала*.

Выводы. Таким образом, стихотворение Ю. Левитанского «Была зима, как снежный перевал...» реализует визуальное начало, свойственное сборнику «Кинематограф». Автор показывает жизнь человека и общества, прошлое, настоящее и будущее, одиночество, оторванность от мира и неразрывную связь поколений.

Основным средством создания черно-белой «раскадровки» текста становится система лексических единиц, имплицитно выражающих двухромную колоративность. Лексемы с контрастными эксплицитными семами 'белый — черный' приобретают в тексте символическое значение, оказываясь важными компонентами пространственно-временной характеристики произведения.

Борьба света и тьмы в природе перерастает в средство раскрытия внутренних поисков лирического героя. Расширение семного состава лексических единиц обуславливает появление антиномии и парадокса как способов создания языковой игры и возможности проникновения в авторский замысел. Важную роль в выражении философской составляющей текста играет концентрация лексических единиц лексико-тематической группы «Горение», заглавное слово которой обуславливает полисемантизм лексем и формирование у них символического смысла.

За черно-белыми «кадрами» текста вырастает картина жизненных и творческих поисков человека и поэта. Реальность и вымысел переплетаются и дополняют друг друга в лирическом произведении, помогая автору раскрыть мироощущение отдельной личности и целого поколения. С помощью системы языковых средств разных уровней Ю. Левитанский создает философское размышление о жизни, творчестве и своем месте в судьбе поколения шестидесятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Ю. Дар поэта // Левитанский Ю. Избранное. М.: Художественная литература, 1982. С. 3–10.
2. Быков Л. Дефицит конкретности // Литературное обозрение. 1978. № 8. С. 42–43.

3. Гомберг Л. Е. Между временем и бытием [Электронный ресурс]. URL: <http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=486> (дата обращения: 10.09.2021).
4. Деметьев В. Огненный мост: книга о поэзии. М.: Московский рабочий, 1970. 216 с.
5. Коган А. Стихи и судьбы: фронтовая тема в советской поэзии. М.: Художественная литература, 1977. 270 с.
6. Кожин В. В. Как пишут стихи: о законах поэтического творчества. М.: Алгоритм, 2001. 320 с.
7. Куллэ В. Поэт личного стыда // Новый мир. 2001. № 11. С. 188–191.
8. Пекелис М. А. (Пластов М.), Антипов С. С. Философия поэзии: хронопоэтика. Ч. III // Философская школа. 2018. № 5. С. 38–72. <http://doi.org/10.24411/2541-7673-2018-10524>.
9. Чупринин С. Ю. Левитанский: Евангелие от Сизифа // Чупринин С. Крупным планом. Поэзия наших дней: проблемы и характеристики. М.: Советский писатель, 1983. 288 с.

REFERENCES

1. Boldyrev Yu. The gift of the poet. *Levitansky Yu. Izbrannoe = Selected Works*. Moscow: Fiction, 1982. P. 3–10. (In Russ.)

2. Bykov L. Lack of concreteness. *Literaturnoe obozrenie = Literary Review*. 1978;8:42–43. (In Russ.)
3. Gombert L. E. Between time and being [Electronic resource]. URL: <http://levitansky.ru/?R=6&m=32&s=486> (accessed: 09.10.2021). (In Russ.)
4. Dement'ev V. Fiery Bridge: a book of poetry. Moscow: Moscow worker, 1970. 216 p. (In Russ.)
5. Kogan A. Poems and Destinies: a front-line theme in soviet poetry. Moscow: Fiction, 1977. 270 p. (In Russ.)
6. Kozhinov V. V. How poetry is written: on the laws of poetry. Moscow: Algorithm, 2001. 320 p. (In Russ.)
7. Kulleh V. Poet of Personal Shame. *Novyi mir*. 2001;11:188–191. (In Russ.)
8. Pekelis M. A., Antipov S. S. Reflections on poetry: Chrono-poetics. P. III. *Filosofskaya shkola = Philosophical school*. 2018;5:38–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2541-7673-2018-10524>.
9. Chuprinin S. Yu. Levitansky: The Gospel of Sisyphus. *Chuprinin S. Yu. Krupnym planom. Poeziya nashih dnei: problemy i harakteristiki = Close-up. Poetry of our days: problems and characteristics*. Moscow: Soviet writer, 1983. 288 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент

Elena A. Frolova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 05.10.2021.

The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 05.11.2021.